

...В отлива час не верь измене моря...

PER AVVENTURA

ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ

Алеся Валери

18+

Алеся Валери

Авантюрин

«Автор»

2026

Валери А.

Авантюрин / А. Валери — «Автор», 2026

В середине 90-х, в курортном городе, пахнущем чебуреками, морской солью и можжевельником, они встречаются в ларьке, где на витринах тает импортный шоколад, а под ногами стоят ящики с пивом. И эта встреча открывает череду случайных закономерностей, которые свяжут героев на долгие годы и определяют их судьбу. Роман о болезненном взрослении, о том, как память формирует нас, и как однажды приходит момент, когда мы можем с благодарностью всё начать сначала. И то, что прежде казалось случайным, окажется тем, что указывало дорогу.

© Валери А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Смотреть так, чтоб он не увидел, как ты на него смотришь	6
Сердце выбирает раньше, чем мы успеваем это понять	9
Солнце, запечатанное в бутылке	11
All that she wants...	14
Свет всегда возвращается	16
Детство живёт в тех, кто был рядом, когда мы росли	18
Звезда влюблённых и сумасшедших	20
Я выбираю тебя	22
Твой дом любит тебя	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Авантюрин

Глава

*Не верь мне, друг, когда, в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.*

*Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!*

А. Толстой

Смотреть так, чтоб он не увидел, как ты на него смотришь

Многokrатно заслюнявленный и многokrатно высушенный до хруста уголок газеты никак не хотел держаться на носу. И всё же ему удалось удержаться достаточно долго: белый треугольник носа выглядел нелепо на пылающем лице. Анна убрала зеркальце в холщовую сумку, растрепала жёсткие от морской соли волосы. Они взметнулись в разные стороны, каждый короткий локон завивался на свой манер, вырисовывая в июльском небе золотисто-каштановые петли.

Она сидела на деревянном топчане возле воды, растирая обожжённый лоб кончиками пальцев. Под пляжным навесом царил спасительная тень, но там с самого утра бронировали места пенсионерки. Казалось, они жили в этой тени: доставали из пакетов помидоры и хлеб, чинно открывали спичечные коробки, чтоб посолить огромные бычьи сердца. Бабушка говорит, что солить их грех, потому что в них чистый сахар и есть надо так. Но пенсионерки под навесом солили. А когда помидоры исчезали, оставляя семечки и подтёки на впалых и загорелых детских животах, внукам выдавались копейки, и они убегали, повизгивая, обжигая пятки о раскалённый песок, и скоро возвращались с заветными холодными вафельными стаканчиками, иногда слегка примятыми, завёрнутыми в бело-голубую бумагу.

Анна не претендовала на место под навесом. Во-первых, с каникул принято возвращаться загорелой, а во-вторых, не хотелось, чтоб кто-то из ребят на пирсе подумал, будто она находится под присмотром.

Ребята эти приходили каждый день – шоколадные, с выгоревшими волосами, в широких модных плавках-шортах. Они дурачились, толкали друг друга с пирса, ныряли бомбочкой рядом с дамами в целлофановых чепчиках. Дамы эти передвигались в воде флегматично, не отплывая далеко от лесенок. И взрывы брызг, попадающих им в лицо, действовали на их лица разрушительно.

Парни смеялись, а бабушки под навесом цокали языками и отправляли своих внуков купаться подальше от этой шумной компании.

Анна сморщила нос, опуская ноги в нагретые балетки. Другой обуви не было: или старые – курам на смех – перламутровые мыльницы, из которых вспотевшие пятки так и норовят выскользнуть, или вот эти чёрные лодочки, жаркие, но на загорелых ногах они всё же сидели изящно. Сарафан Анна надела поверх купальника – идти недалеко.

Двое из парней, видя, что она уходит, махнули ей рукой, один из них церемонно поклонился и, по-актёрски закатив глаза, плашмя упал бы в воду животом, но в последний момент всё же подтянул к груди красные колени. Юрка – сосед и местный клоун.

Положив в карман скомканный газетный уголок, Анна забросила сумку на плечо. Горячий солёный воздух щекотал её ноздри. Она сделала шаг, и детский мяч ударил её по ноге. Анна нетерпеливо оглянулась, улыбнулась загорелому малышу в смешной панамке и почувствовала странное беспокойство в груди. Так бабушка чувствует перемену погоды ещё до того, как ветер меняет своё направление.

Чем дальше она уходила от пляжа, тем тяжелее становилась жара. Под деревьями вдоль набережной стояли столики, пахло можжевельником и лавандовой водой. Продавцы обмахивались чем попало: «Аргументами и фактами», собственными шляпами, самодельными веерами. Между прилавками дремали карикатуристы, вытянув ноги на дорожку, медленно сползая со своих раскладных стульчиков.

Анна шла медленно мимо украшений из ракушек, мимо бус и браслетов, мимо лакированных рапанов и подвесок из лунного камня, которые она никогда не решалась взять в руки: продавцы слишком назойливы, а денег почти не осталось. Но как же хотелось хоть что-нибудь купить! Хоть плоский камушек, на котором тонкой кистью нарисовано море с парусом и написан год – 1994.

На площади, на кромке городского фонтана в неподвижном ожидании сидели чайки. Из чебуречной пахло горелым маслом и это, видимо, давало чайкам надежду. Запах масла смешивался с запахами хвои, разогретого асфальта и солярки. Пыльные «Икарусы», забрав с конечной остановки туристов, набирали ход, и в воздухе повисали маслянистые клубы чёрного дыма.

Анна подошла к ларьку, постучалась и проскользнула в приоткрытую дверь. Внутри было душно, но не так жарко, как на улице. После солнца глаза, привыкая к приглушённому свету, поначалу различали лишь силуэты.

– Привет! Ты сварилась или ещё жива?

– Жива-жива! – Ирка подняла голову, и веснушки на её лице подпрыгнули от улыбки. – Ого, а ты слегка поджарилась! Кефир дома есть?

– Надеюсь... – Анна взяла с прилавка газету и, обмахиваясь ей, упала на ящик-табурет. Вытянув ноги и с глухим «уф» откинувшись на стену, она сбросила туфли.

Ира рылась под прилавком:

– Шоколадку хочешь?

Хозяин ларька разрешал съесть растаявший товар. Поэтому самые желанные экземпляры Ира, конечно, выставляла на солнце. Она достала толстую плитку в красной обёртке, внимательно посмотрела на неё и поставила на витрину взамен другой – уже растаявшей.

Девочки, смеясь, облизывали шоколадные пальцы и снова окунали их в тёплую липкую гущу, выживая орехи, стараясь не капнуть на одежду. Покупателей не было, поэтому никто не отвлекал их от простых летних радостей.

Под прилавком стояли ящики с пивом и вином, стопками лежали блоки сигарет. На полках цветными солдатиками вытягивались зажигалки, а в картонках из-под сникерсов скучали упаковки с порошком Yuri. И много-много всего другого наполняло этот пузатый ларёк – пёстрый мир, который казался Анне островом благополучия, символом нового времени – радостным и уже привычным. Она часто заглядывала сюда по пути на пляж и обратно: шоколад, лето, подруга и ей самой – счастливые восемнадцать, что может быть лучше?

Ира собирала свои рыжие волосы в высокий хвост, она была похожа на диковинную птицу – тонкую и сильную, радующуюся ежедневному полёту. Она была местной. И это в ней чувствовалось сразу: её волосы, кожа пахли морем, море было в её светло-карих глазах, обрисованных жёсткими ресницами, – ребенок юга, любящий солнце, но купающийся по ночам и знающий, у кого во дворе самые сладкие персики. Она училась на крошечную, а на каникулах подрабатывала в ларьке.

Пальцы были липкими, Ирка пыталась открыть воду, пластиковая крышка не поддавалась.

– Дай сюда, – Анна перехватила бутылку и, обмотав горлышко подолом сарафана, крепко зажмурилась и стиснула губы. Минералка зашипела, запенилась, проливаясь на пол. Подруги, смеясь, выскочили из ларька, сарафан намок и прилип к острым коленкам Анны. Она стояла на асфальте босиком – туфли остались в ларьке.

– Поливай! – Ирка смеялась и тёрла ладони, вода сбегала с её рук и тонкой струйкой уходила под пол ларька.

– Привет, девчата!

Голос прозвучал неожиданно, Ирка быстро выпрямилась и оглянулась.

– Привет, пропажа! – весело ответила она, вытирая ладони о свою яркую короткую маечку.

Наклонившись вперёд, едва сдерживая смех, Анна обеими руками раскачивала подол сарафана вверх-вниз, словно он мог бы высохнуть за считанные минуты. Потом она закрыла стоявшую под ногами бутылку и подняла глаза.

Позже она написала в своём блокноте:

«Я не знала, что бывают такие лица. Лица, от которых вмиг перехватывает дыхание. И всё, что ты можешь сделать – это отступить назад, спрятаться, забиться куда-нибудь в угол, и уже из угла смотреть внимательно и осторожно. Смотреть так, чтоб он не увидел, КАК ты на него смотришь».

Анна действительно забилась в угол ларька, сев на дальний ящик. Ирка облокотилась на прилавок, хохотала – яркая, красивая, что-то говорила, сияла – она всегда сияла! А он стоял в дверном проёме, перекрывая собой свет. И свет струился из-за его спины, и он в этом свете был совершенно золотым – в офицерской морской форме, кремовая рубашка которой оттеняла загар. В хаосе и полумраке тесного ларька эта форма выглядела парадным мундиром.

Сердце выбирает раньше, чем мы успеваем это понять

Когда в твоей голове звучит заезженная пластинка, ты замечаешь это не сразу. А заметив, пытаешься избавиться от навязчивых мыслей. Но чем усерднее твои попытки, тем сильнее в тебя вливается то, от чего ты хочешь убежать. Анна чувствовала, что это горячее и лёгкое, чему пока нет названия, уже крепко вцепилось в её сердце, держит её за плечи и не отпустит.

«Я даже не знаю его имени. И мне не надо его знать. Потому что имя привязывает и приземляет. То, что без имени, мимолётно. Если урагану не дают имени, он проходит и о нём забывают. Значит, не сильный был ураган. Если ребенок не дал имени игрушке, то, потеряв её, плакать не будет. Безымянное не дорого. Пусть останется безымянным, словно его и не было...

Но он был... А мне-то что! Мне, с белым носом и сгоревшим лбом, мне, забившейся в угол, как маленький крысёныш. А между нами – Ирка! Она так смеялась! Я бы в неё сразу влюбилась! В одни волосы! В кожу, в ресницы, в то, насколько она здесь своя. А я скоро уеду. Каникулы закончатся через две с половиной недели...».

Анна закрыла блокнот и, положив ладонь на обложку, долго сидела, слушая, как во дворе бабушка из шланга поливает герань. Вода била по жестяным горшкам – пшшшш-пшшшш-пшшшш. Когда-то эти горшки были большими консервными банками из-под селёдки иваси. На некоторых до сих пор осталась выгоревшая этикетка, которая теперь так не подходила к содержимому этих банок. Бабушка любила цветы. И как у неё на всё хватало времени? С ночного дежурства она волокла – в гору! – ведро с помоями из больничной столовой – для свиней и кур, кое-что оставалось и собаке. Перед тем, как прилечь, поливала помидоры, перец, синенькие^{*1} – от жары в огороде уже к десяти утра трескалась земля.

Потом она засыпала на тахте, через пару часов подскакивала, завязывала на голову тонкую хлопковую косынку, загружала стирку, мыла и стерилизовала банки для закаток, а когда жара начинала спадать, снова хваталась за шланг.

Взяв в руки тазик, Анна тоже вышла во двор – развешивать бельё: сарафан, полотенца, наволочки, Кирюшины майки. Медленно, по одной, брала прищепки, медленно поднимала руки. Сосредотачиваясь на простых движениях, можно наблюдать свои мысли как бы со стороны, словно это не мысли, а так, проезжающие мимо велосипедисты. Много-много велосипедистов. И все мимо.

На улице тренькнул велосипедный звонок, через пару секунд ухнула калитка и во двор влетела Ирка.

– Ань! – Она даже не поздоровалась. – Ты сейчас упадёшь!

Увидев бабушку, Ира присела в смешном реверансе: «Здрасьте, баб Тонь!» Бабушка кивнула, медленно скрутила шланг и вошла в дом. У неё были свои встроенные часы, она никогда не пропускала начало сериала. Тем более, что вчера Хуан Карлос вернулся в Мехико.

Когда шторка в дверном проёме упала, пропустив бабушку, Ирка, понизив голос, загадочно пропела:

– Он вчера спрашивал о тебе!

¹ песня группы "Гостя из будущего"

Влажной ладонью Анна отвела прядь с лица. Так и замерла с поднятой рукой. Потом, словно спохватившись, взяла очередную майку:

– И что спрашивал? – Она старалась говорить непринуждённо и даже безразлично.

– Да всё подряд! – Ира выхватила майку из рук Анны и снова бросила в таз. – Откуда ты, где учишься... Я ему сказала, что ты перешла на четвёртый курс медучилища. Ну и что ты отличница.

Анна подняла брови:

– Во-первых, я не отличница, а во-вторых, – зачем?

– Что зачем? – удивилась Ирка, – А что здесь такого? – Она ловко обняла Анну за талию и закурила. – Он завтра в семь придёт к ларьку. Я ему сказала, что ты скорее всего будешь! Готовься!

Анна резко остановилась, лицо её побледнело.

– Ты с ума сошла? В какие в семь? Я... я даже не знаю, как его зовут!

– Дан! – Ира коротко рассмеялась. – Дан, Дан, богом дан!

Имя прозвучало, как короткий и чистый удар колокола. Или сердца, ведь оно выбирает раньше, чем мы успеваем это понять.

Она тихо и серьёзно повторила:

– Дан... н-н... Странное имя.

– Почему странное? Богдан или Даниил. – Ира пожала плечами. Она взяла из таза влажный сарафан, встряхнула его и собиралась повесить, когда на вывернутом кармане увидела серые хлопья:

– Что это? Фу...

– Э... наверное, кусок газеты, на нос приклеивала, забыла выбросить.

Ирка встряхнула сарафан ещё раз и повесила на верёвку:

– Ладно, высохнет – всё отвалится! Короче, он каждое утро проходит мимо ларька в часть. А вечером обратно. Всегда здороваётся, и вообще... – Она весело прищурилась. – Тебе он что, вот совсем не понравился? Чего ты так реагируешь?

– Ир, да ведь он меня даже толком не видел! Я и слова не сказала. У меня язык к нёбу присох!

– Выходит, что видел! Ну как тебя не заметить-то?

– Боже мой, а как же меня заметить? Я же простая, как вот эта майка! – Она нервно засмеялась, взяв в руки майку братишки. – Ещё и лоб обгорел!

И Анна почувствовала, что руки с майкой дрожат.

«Ирке всё легко и радостно. Лучше не ходить. Лечь во времянке, где под кроватью – пыль и трехлитровые банки с черешневым компотом. И попытаться читать. И быть раздавленной этими проклятыми велосипедистами... Мне нечего надеть, ведь семь – это уже вечер! Ведь уже не получится так, будто я шла с пляжа! И голову надо помыть, чтоб волосы пахли шампунем, а не солью. Если не пойду – буду жалеть. А пойду – буду бояться. Всё равно пойду».

Ира принесла блузку – леопардовую, она сшила её сама и ещё ни разу не надевала.

– Давай! – сказала она, – ты в ней будешь дикая и недоступная.

Анна посмотрела на себя в зеркало и рассмеялась: леопард – девочке, которая прячется по углам ларьков. Но другой блузки не было, и странным образом леопард придал ей смелости.

Дан зашёл ровно в семь.

Солнце, запечатанное в бутылке

– Пойдём? – спросил он так легко, будто они давно друзья. Анна кивнула, не поднимая глаз, ей казалось, что она стоит на краю пирса и готова прыгнуть в сияющую холодную воду.

Они шли по площади. От волнения она не знала, куда деть руки, беспомощно и напряжённо они болтались вдоль тела.

– Возьми меня под руку, – мягко сказал он.

Под руку – значит, рукой прикоснуться к руке. Голой рукой к форменной рубашке, под которой – его загорелая кожа. Тонкая девичья ладонь осторожно легла на чужое предплечье. Сквозь ткань рубашки Анна почувствовала тепло.

Она боялась пошевелить пальцами, словно это движение доставит ему беспокойство. Она вся превратилась в свою руку, все ощущения в руке, в этой неловкой зажатой неподвижности.

Анна, всегда умевшая поддержать любой разговор, сейчас совершенно не могла говорить. Она, как в тумане, плыла мимо цветочных клумб, мимо фонтана, вокруг которого бегали и кричали дети. Жара спала, в воздухе стоял сладкий запах варёной кукурузы, а из громкогоговорителя лилась незнакомая музыка. И эта музыка, и дети, и наглые чайки, ворующие что-то из урны возле чебуречной – всё это словно кружилось на какой-то весёлой летней карусели и не имело никакого смысла.

– Ну а теперь расскажи, откуда ты приехала. – Дан нарушил молчание, в котором, впрочем, не было отстранённости, но была радость идти рядом.

Анна не понимала, почему он спрашивает. Велосипедисты в её голове заматались, как угорелые. Он ведь спрашивал уже, у Ирки! Он ведь всё знает: и про её город, и про медучилище! От этой мысли она вспыхнула и ещё больше смутилась.

Но ответила сдавленным и, как ей показалось, неестественным голосом.

Она понимала, что теперь её очередь спрашивать. И спросила первое, что пришло в голову:

– А вы... ты... в каком звании?

– Старший лейтенант. – Улыбнулся Дан.

Улыбка его была мягкой, в уголках глаз светились тонкие морщинки, загоревшие чуть меньше, чем остальное лицо.

Она запомнила эти морщинки.

Чем дальше они шли, уходя от площади, спускаясь к морю, тем легче становился их шаг, тем легче было одной руке лежать на другой.

Вечер быстро накрывал сквер, море вдаль темнело и исчезло за кипарисами, вдоль дорожек зажигались фонари, отражаясь в витринах маленького уличного кафе. Круглые и шаткие столики стояли под перголой, увитой виноградной лозой.

Они сели друг напротив друга, очень близко. Дан снял фуражку и положил её на стол. Анна впервые смогла хорошенько разглядеть его лицо.

Он был красив. В этой красоте не было ни высокомерия, ни тщеславия, потому что красоту венчала совершенно простодушная улыбка, при которой левый уголок губ взлетал чуть выше. Пшеничные волосы, зелёные глаза, бронзовая кожа, те самые морщинки в уголках глаз

и лёгкая тень усталости, или взрослости? И невозможно было не улыбнуться в ответ. Он показался Анне безупречным и совершенно светлым.

Столик качнулся, Дан ловко подложил под ножку в несколько раз сложенный газетный лист.

– Что будем пить? – спросил он, выпрямляясь и проверяя столик на устойчивость.

– Не знаю ... – Анна мысленно ругала себя за свою скованность и немногословность.

– Тогда я выберу. – Он взял в руки меню, но сразу отложил его. – Ты пробовала «Старый нектар»?

Анна покачала головой.

– Значит, пора, он особенный.

Особенным ей казалось всё, что происходит с ней сейчас.

Вино было тёмно-золотым, как солнце на закате.

– Пахнет изюмом, – тихо сказала она.

– Пахнет ожиданием, – поправил Дан.

Он смотрел на неё, не отводя глаз, не стесняясь, смотрел так, будто видел её насквозь. От этого взгляда Анна не могла спрятаться.

Она почувствовала, как их колени невольно соприкасаются под столом, и от этих тайных прикосновений закружилась голова.

Качнув бокал и, глядя, как золотые дорожки стекают по его стенкам, она медленно подняла вино к губам. Ей хотелось тянуть время, потому что на неё так никто и никогда ещё не смотрел.

Первый маленький глоток. И ещё один. И ещё.

Вино мягко и сладко касалось губ – пьянящие поцелуи августа.

Анна наконец подняла глаза. Она решила, что сейчас, когда вино начинает действовать, придавая ей смелость, она уже сможет выдержать его взгляд, должна выдержать. И когда их глаза встретились, она почувствовала, как огненный шар растёт в её животе.

Руки неподвижно лежали на столе. Между кончиками их пальцев было всего несколько сантиметров. Это такая игра, поставив бокал, положить свою руку чуть ближе к его руке. И он эту игру начал. И она эту игру приняла.

Пальцы коснулись друг друга будто случайно и на секунду замерли. И тут же сплелись горячо и жадно, словно никогда и не существовало руки одного без руки другого.

– Видишь, каким маленьким стал наш столик. И он продолжает уменьшаться, – тихо сказал он. И всё, кроме этого столика под зелёной перголой, вдруг перестало существовать: ни кипарисов, ни моря, ни дорожек, ни фонарей больше не было.

Дан медленно подался вперёд. Она вдруг поняла, что сейчас произойдёт, и глаза её сами закрылись. Его губы коснулись её губ – сначала осторожно, несмело, потом требовательно и горячо.

Столик закружился, а может кружились они сами? Или летели... И полёт был долгим, как послекусие «Старого нектара» – солнца, запечатанного в бутылке.

В этот вечер Анна поздно вернулась домой. Путь, обычно занимавший пятнадцать минут, растянулся на вечность. Они делали несколько шагов, останавливались, целовались, шли дальше и снова останавливались много-много раз, иногда просто стояли, обнимались, а

потом, словно очнувшись, продолжали идти. Улица была безлюдной и свидетелями этих поцелуев были лишь цикады и звёзды.

И даже в темноте лица их светились. И Анна, подставляя своё лицо его поцелуям, уже ничего не боялась.

Они простились у калитки.

All that she wants...

Размашистым и нетерпеливым почерком: «Не могу уснуть. На губах миндальный вкус его губ. Если я когда-нибудь забуду хоть что-нибудь из этого вечера (а это невозможно, скорее рыбы утонут в море), я просто куплю «Старый нектар» и всё вернётся. И никакая медицинская латынь не объяснит мне того, что творится с моим сердцем. Будто оно где-то путешествовало, жило своей спокойной жизнью и вдруг – нашлось в моей груди. И его так много, что оно во мне едва помещается.

Спит ли он? Где он спит? Как выглядит его комната, его окно? Видит ли он из окна море? Кажется, я заболела, и сама себе помочь не могу. Нет, это не болезнь, это что-то гораздо более неизлечимое.»

За занавеской храпела бабушка, сопел маленький Кирюша. Дед спал в дальней комнате – крохотной, где умещались только кровать и старая печка, которую топили только зимой.

Духота. Даже если укрываться одной простыней, ощущать её на влажной от жары коже было почти невыносимо.

Сетка от комаров, видимо, где-то с краю отошла от рамы, и в темноте назойливым многоголосьем звенело тонкое «з-з-зь».

Анна встала и тихонько через палисадник спустилась к летней кухне. Она открыла тяжёлую дверь, нашла буханку пористого пшеничного хлеба, отрезала большой ломоть с хрустящей корочкой, сверху намазала его подтаявшим маслом, достала из алюминиевого таза, стоявшего на столе, засахаренные ломтики персика. Завтра бабушка доварит варенье и разольет его по банкам, сегодня ещё можно смаковать эти янтарные ломтики. Анна положила их поверх масла и села на высокий порог – спиной к кухне, лицом в ночь. Изведённый жарой город только по ночам, медленно остывая, начинал дышать. Где-то у соседей залаяла собака, её голос лениво подхватили другие, но скоро всё смолкло, лишь изредка были слышны чьи-то шаги по гравию, отдалённый смех. И всё это накрывал огромный, зияющий белыми прорехами сачок неба, местами перекрываемый виноградными листьями.

Анна проснулась от того, что солнце светило прямо в лицо и глазам было больно от света. Она лежала, не двигаясь, и пыталась понять: всё это было?

И сердце радостно отзывалось: «было...»

На кухне бабушка ставила чайник. Запах крепкой заварки и жареных яиц смешивался с запахом утреннего моря.

– Ты вчера поздно пришла, – пропела бабушка, не оборачиваясь.

Анна почувствовала, как вспыхнули уши.

– Да, я... гуляла.

– Гуляла, – повторила бабушка, и в её голосе не было ни любопытства, ни удивления. – Лето для того и дано, чтобы гулять, девочка.

Анна села за стол, подперев щеку ладонью.

Она боялась, что бабушка увидит её припухшие губы, её счастливый взгляд и сразу всё поймёт. Но бабушка только поставила перед ней чашку:

– Хорошее утро! А день будет снова жарким, – и подмигнула.

Анна больше не клеила бумажки на нос.

Она лежала на топчане далеко от воды, закрыв глаза, будто хотела спрятаться от пляжной суеты и слышать только своё сердце. Но людей было слишком много. Их голоса сливались в неравномерный гул, и лишь море оставалось неизменным: оно перекачивало мелкую гальку так монотонно, что этот звук убаюкивал.

Старалась не ждать, не прислушиваться к каждому шагу, она всё равно прислушивалась. И не услышала, как он подошёл.

Дан наклонился и легко коснулся губами её лба – солёного, горячего от солнца. Анна вздрогнула от неожиданности, открыла глаза, улыбнулась и села.

Он смотрел на неё с радостным волнением. И от близости к морю его глаза казались ещё зеленее.

– Когда ты пойдёшь к воде, вон те ребята будут смотреть тебе вслед, спорим? – прошептал Дан, касаясь губами её волос.

Анна повернула голову.

На мокрых полотенцах почти у самой кромки прибоя расположились курсанты. Они смеялись, время от времени что-то выкрикивали и бросались друг в друга мокрой одеждой.

– Из нашего училища, первокурсники. – Кивнул Дан.

– А ты что в училище делаешь? – Анна сощурилась от солнца, принимая от Дана вафельный стаканчик с мороженым.

– Я их учу! – Он улыбнулся. – Конкретно этих нет, но они меня знают.

– Ничего себе! Так ты учитель?

– И даже очень строгий. – Он сдвинул брови, но сразу рассмеялся.

Вафельный стаканчик был мягким. Иногда на пляжах плохо работают холодильники и мороженое продают уже таким. Они сидели рядом, слизывая подтёки со своих стаканчиков, иногда не успевали, и мороженое текло по пальцам. И тогда Дан, смеясь, целовывал растаявшую сладость с пальцев Анны. А из будки продавца холодного счастья летело задорное: «All that she wants...»

Когда они встали и, взявшись за руки, пошли к воде, Дан заговорщицки произнёс:

– Смотри!

Анна удивилась, когда поняла, что курсанты действительно провожают её взглядом.

– Почему они на нас смотрят? – спросила она.

– Не на нас, а на тебя, потому что ты очень красивая, – ответил Дан.

И Анна впервые в жизни этому поверила.

Свет всегда возвращается

Дан где-то достал два велосипеда – тяжёлые, с дребезжащими крыльями и жёсткими, широкими кожаными сидениями. Очевидно, они уже повидали бесчисленное количество ухабистых южных дорог. Анна не ездила очень давно. Дома у неё велосипеда не было, да и где его хранить? Жила она в хрущёвке, подвал которой взламывали так часто, что его перестали закрывать. В этом подвале хранили лишь рваные чемоданы, макулатуру и сломанные табуретки. А сам подвал был таким тёмным и влажным, что заходить в него было страшно даже вместе с мамой.

Анна каталась в детстве на даче, велосипед был маленьким и падать с него было не страшно.

Поэтому к идее велосипедной прогулки она отнеслась с недоверием. Дан отрегулировал высоту сидения, проверил тормоза и, увидев приподнятые брови Анны, улыбнулся:

– У тебя всё получится, вот увидишь. Мы поедем по тихим улицам. Я хочу тебе что-то показать.

Анна осторожно сделала небольшой круг перед домом. Велосипед покачивался, но слушался. Она почувствовала, как в груди поднимается лёгкое, забытое ощущение – смесь страха и свободы. И с каждым неуверенным поворотом руля свободы становилось больше, а страха меньше.

Они поехали: Дан впереди, Анна за ним. Она всё время смотрела на его спину и думала об этой спине – широкой, сильной, говорящей: «Я рядом. Я веду. Ты не упадёшь». Она думала о том, как хорошо ехать вот так, когда впереди маячит его рубашка, когда он услышит, если она позовёт, когда весёлый ветер отбрасывает назад волосы.

Анна не спрашивала, куда они едут. И в этом была радость – довериться его спине, следовать за ним по выбоинам асфальтированной горячей дороги, по улицам, где пахло пылью и спелыми персиками.

Скоро они свернули на гравийку, сначала петляли между частными домами, где над головой смыкались ветви грецкого ореха и алычи, потом гравийная дорожка стала тропой, справа ровными рядами замелькали виноградники, слева было море – тёплое, дышащее. Начинало темнеть, уходили яркие цвета и вместо них приходили звуки: под колёсами сминались сухие стебли ковыля, в сторону отлетали мелкие камни, ветер свистел в колёсных спицах.

Берег становился всё круче, и минут через двадцать они уже ехали вдоль обрыва, море осталось внизу, но его глухой рокот не становился тише. На побережье опустилась ночь.

Дан остановился метрах в пятнадцати от маяка. Анна и прежде видела его – издалека. Но близко никогда не подходила.

Они поставили велосипеды вдоль тропы.

– Закрой глаза. Ты мне доверяешь? – Дан встал у неё за спиной, взял её левую руку в свою левую, а правой уверенно и бережно обнял Анну за талию. Она засмеялась, почувствовав себя ребёнком, которому в игре должны завязать глаза.

– Я буду вести тебя медленно и осторожно. И скажу, когда можно смотреть.

Анна кивнула.

– Я крепко держу тебя, не бойся.

– Я не боюсь, -- прошептала она и зажмурилась.

Несколько раз Анна спотыкалась о камни и ещё сильнее цеплялась за его руку. Она и через много лет помнила эти маленькие шаги вслепую – к обрыву.

– Теперь! – сказал он, остановившись, обнимая её со спины.

Анна открыла глаза.

Они стояли на краю. И это физическое ощущение края вдруг захлестнуло её сначала ужасом, и тут же – упоительным, почти животным восторгом, от которого она едва не задохнулась. С моря дул сильный тёплый ветер. Сначала она ничего не видела, кроме глубокого звёздного неба впереди. Море казалось продолжением неба. Или небо продолжением моря. Единая чёрная бездна – разбежаться и нырнуть! И вдруг звёзды погасли, вспыхнул маяк, его луч высветил сухую траву под ногами, зелёные пенные валуны, разбивающиеся о прибрежные камни где-то внизу. И чем дальше, тем темнее и величественней становились эти валуны. И казалось, что брызги долетают до самого маяка. Через пару секунд всё исчезло, снова остались только звёзды. Миллиарды звёзд.

Луч маяка возвращался и уходил снова и снова, открывая то море, то небо. Казалось, что свет борется с тьмой и никто из них победить не может. Этот повторяющийся ритм был, как биение сердца – сердца моря. И они кричали и смеялись от счастья.

– Если кто-то тебе дорог, он всегда к тебе возвращается, как свет маяка, – тихо, но уверенно сказал он.

А потом вдруг его губы коснулись её шеи – нежно и медленно, и эти медленные влажные касания спустились к плечу. Анна закрыла глаза и почувствовала, как море бьётся в её груди, как огромные валуны накатывают на неё и накрывают с головой. Она развернулась и прижалась к нему всем телом.

Детство живёт в тех, кто был рядом, когда мы росли

«Столько августовских звёзд падает в море – без загаданных желаний! Напрасные падения. А оно копит их в себе, чтоб однажды подарить какой-нибудь странной девчонке вроде меня. Я загадала что-то очень большое, очень хорошее...»

– Что ты там всё пишешь? – Ира кивнула на открытый блокнот. Она сидела в кресле, поджав под себя ноги, и медленно тянула из трубочки виноградный сок, разбавленный газировкой.

– Всякую ерунду... – Анна задумчиво кусала кончик карандаша.

– Про Дана?

– Знаешь, это всё не помещается во мне. Я боюсь забыть какую-то мелочь. Сейчас она может казаться глупостью, а потом...

Она заправила волосы за уши, закрыла блокнот и виновато улыбнулась:

– Может быть, эта глупость будет меня согревать зимой.

Ира смотрела на неё, как смотрят на младшую сестру, которая незаметно выросла.

Они знали друг друга с тех времён, когда вместе в тени большого абрикоса сидели в песочнице, перебирая поломанные ракушки, песок был почти белый и, конечно, совершенно сухой. Строить из него не получалось, но как здорово было искать в нём спрятанные сокровища. Вечерами они болтали на скамейке под калиткой, пока их не загоняли спать. Ира была старше всего на год, но иногда Анне казалось, что здесь, далеко от дома кто-то заботится о ней по-матерински.

– Ну что, на охоту? – Ира подмигнула, вспорхнула с кресла и потянула Анну за руку.

Охотиться она умела. Ирка лучше всех знала каждое дерево, каждый куст, каждый камень. Она знала, в какую расщелину поставить ногу, чтоб забраться на соседский каменный забор, знала, у кого на дворе ленивые собаки.

За зелёной калиткой – перезревшая шелковица. Ягоды висели так долго, что многие, не дождавшись рук, упали на каменные ступени, оставив на плитах чёрные пятна. Девочки собирали сладкие, тёплые ягоды прямо в рот. Чуть дальше, за углом, нависая над низким забором, сами ложились в руки крупные жёлтые сливы, в темноте не было видно, какие из них уже созрели, поэтому надо было до каждой дотянуться рукой и слегка сдавить, проверяя их на мягкость. Никогда и нигде она не ела таких вкусных слив.

– А теперь на взлётную полосу?

Взлётной полосой они называли дорогу, которая, делая разворот, так круто спускалась к морю, что, разбежавшись, уже невозможно было остановиться. А когда бежишь, перед началом уклона кажется, что дорога обрывается, что дальше – только вверх.

Девочки сняли обувь – бежать босиком по теплomu ещё асфальту гораздо приятнее, чем в туфлях. Взялись за руки и побежали. И им казалось, что их смех уходит прямо в небо.

За Иркиным садом стояла большая цистерна с дождевой водой. Вода за день нагревалась, и цистерна до поздней ночи хранила это тепло. Нужно было сначала поставить ногу на кран, а потом, держась за ветви старой черешни, немного подтянуться и лечь животом на гладкую тёп-

лую поверхность. Это было их любимое место. Здесь можно было сидеть верхом, можно лежать на спине -вдоль, а можно на животе – поперёк, и медленно съезжать по круглой боковине вниз. А потом снова карабкаться наверх. А если встать с краю, то с высоты холма, сквозь ветви черешни видна дорога, ведущая к морю. Главное, оставлять босоножки внизу, среди сухих колючек, облепленных белыми раковинами улиток. Иначе ноги будут скользить по нагретому металлу.

Девочки, держась за руки, стояли босиком на цистерне. Летняя ночь обнимала их, они пели громко, забывали слова, хохотали, начинали сначала и снова забывали. А потом долго лежали, чувствуя спинами тепло цистерны. И, как в детстве, слушали треск цикад и глядели на звёзды. Детство не исчезает, оно живёт в тех, кто был рядом, когда мы росли.

– Завтра пойдём на море?

– Я... с Даном встречаюсь.

Ирка повернулась к Анне, их лица были так близко, что они чувствовали дыхание друг друга:

– У вас ведь всё серьёзно, да?

– Да, кажется.

– Это... моя блузка сработала! Теперь я её буду за деньги одалживать! – Ира захохотала.

– Поехали вниз!

Они легли на животы и с визгом скатились с цистерны.

– Да здравствует леопард!

Звезда влюблённых и сумасшедших

Анна ждала возле кинотеатра. Договорились встретиться у касс.

Он не пришёл. Люди, смеясь, выходили с сеанса, обнимались.

Выцветшая афиша с танцующим Аль Пачино была приклеена прямо на бетонную колонну у входа – «Запах женщины».

От женщины пахло табаком и потом. Грузная, с тяжёлым взглядом, она, кажется, исподтишка наблюдала за Анной. Сидя в тени на низком стульчике, торговка отмеряла семечки гра-нёным стаканом, рассыпая их по кулям, скрученным из старых газет. Голуби подлетали к ней, и она бросала им горсть тёмных зёрен, но когда птиц становилось слишком много, резко, почти сердито прогоняла их:

– Кыш! Кыш! Поди, черти!

Шелуха летела под ноги, ступеньки были усеяны ею, как снегом. Широкой ладонью цыганка вытирала крупные капли пота со лба.

Начинался новый сеанс. Анна ждала. Близоруко щурясь, она изучала лица прохожих, трещины на асфальте, витрину магазина на другой стороне улицы. Даже в тени акаций было жарко. Анна вставала, делала двадцать шагов вперёд, двадцать назад. Провожала взглядом каждый троллейбус. Они проезжали слишком быстро, и лиц разглядеть было невозможно.

Анна не могла уйти ни через пятнадцать минут, ни через двадцать. Она не знала ни телефона его, ни адреса. Знала только, где вход в его часть, но даже к проходной не решилась бы подойти, чтобы назвать его имя.

«Неужели всё? Неужели это – обычный курортный роман, а я невесть что себе насочиняла?» Она сначала придумывала причины, по которым он мог опаздывать, мысленно ругала его, потом прощала. Через минут сорок она поняла, что ждать так долго – это стыдно и показывает её слабость. Мама считает, что девушка должна иметь гордость. Но Анна быстро смирилась со своей слабостью, с отсутствием этой, по-видимому, необходимой гордости, и ждала уже почти без надежды. Она боялась быть обманутой – её не обманывали ещё никогда.

– Ну чего ты ждёшь? – Цыганка вдруг окликнула её сиплым и грубым голосом. Голуби захлопали крыльями. – Да не жди ты его здесь!

Она сплюнула под ноги, коротко и отрывисто засмеялась, потом закашлялась. Анна решила, что торговка обозналась и только пожалала плечами, показывая, что ничего не понимает. Но женщина добавила:

– Он придёт, когда у тебя в руках будет его жизнь!

Анну вдруг словно холодной водой обдало.

На секунду ей показалось, что она эти слова уже где-то слышала: жуткое, но мимолётное ощущение.

– Это от волнения. – Она передёрнула плечами, сбрасывая с себя пустую тревогу. – Просто сумасшедшая бабка.

И в этот момент Дан вынырнул из толпы – в своей ослепительной форме, с горящими от волнения глазами. Казалось, он сам был актером кинематографа и только что сошёл с экрана.

Анна торопливо оглянулась на цыганку:

– Вы меня с кем-то спутали!

Дан подбежал, запыхавшись:

– Ты дождалась меня! Я боялся, что ты ушла.

Анна выдохнула:

– Что-то случилось?

– Меня, как на зло, задержали на службе, прости!

Он обхватил ладонями лицо Анны и целовал её лоб, щёки.

– На нас смотрят, – шептала Анна.

– Пусть, мне всё равно.

По воздуху били тревожные крылья голубей.

«Он провожал меня домой, мы шли в гору, а потом остановились отдохнуть и долго, задрвав головы, смотрели в небо, облокотившись на тёплую каменную стену. Моряки знают звёздную карту, как своё сердце. Он подарил мне Альфу Волопаса – Арктур. Эта звезда принадлежит теперь мне (ужасно обидно, что об этом знаем только мы). А чтоб её найти, нужно всего-то провести хвостик от ручки ковша Большой Медведицы – и вот она, оранжевый гигант, звезда влюблённых и сумасшедших. Мы и то, и другое.

Он сказал, когда мы будем далеко друг от друга, мы можем смотреть на эту звезду и наши взгляды встретятся. Раньше эта звезда была для меня безымянной. Просто звезда, одна среди многих. Теперь я знаю её имя. А это значит, она для меня – особенная навсегда».

Я выбираю тебя

Анна проснулась поздно. Бабушка была на работе, за окном лил дождь. Начался он недавно, сначала запахло прибитой к земле пылью, после – свежестью. Ливень громко колотил по виноградным листьям, потом стал стихать. За окном курица потянула своё гортанное, надрывистое «коооо». Бабушка говорила, что они так кричат, когда снесли яйцо. Выходит, от радости?

У Кирюши была любимая курица. Он дал ей имя – Дамка. И часто тайком от бабушки брал её в дом. Дамка послушно сидела на его коленях и закрывала глаза, когда мальчик её гладил. Совсем ручная. И по двору Кирюша, бывало, ходил с Дамкой под мышкой. Может быть, это кричала Кирюшина курица? Узнаёт ли он её по голосу?

Однажды дед решит, что Дамка стара.

Анна была малышкой, когда увидела перья и кровь на колоде для колки дров. А вечером был куриный суп, который она не смогла есть. Хотя у той курицы имени не было.

В комнату заглянул Кирюша – взерошенный, как цыплёнок. Он, кажется, тоже недавно проснулся и уже весь промок – бегал через огород к туалету.

Анна любила этого смешного и трогательного мальчишку нежной сестринской любовью. И хоть были они двоюродными, она считала его самым родным. Ей нравилось отвечать на его бесконечные вопросы, смотреть на него, когда он засыпает и его ресницы вздрагивают на щеках, ей нравилась дурачиться с ним и читать ему вслух. Кирюша был маленьким взрослым. Он рано остался без мамы, и бабушка стала его ангелом-хранителем. А папа – дядя Анны – много времени проводил на работе, его всегда звали море.

– Ань... там под калиткой кто-то стоит. А собака не лает. Можно я к тебе?

– Залезай, не бойся. Я посмотрю. Может, тебе показалось? – Кирюша отрицательно замотал головой.

Анна укрыла его покрывалом, подоткнув края под спину (такой худой, что под рукой чувствуются рёбра!), набросила на плечи тонкий халат, мельком взглянула на себя в зеркало, взбила тёмно-золотые пряди и вышла во двор.

– Только ты не открывай! Мало ли! – закричал ей вслед Кирюша.

Под калиткой стоял Дан. Промокший до нитки, дрожащий. Кажется, у него зуб на зуб не попадал.

– Почему ты не позвонил? – Анна открыла калитку, впуская его во двор.

– Звонок не работает! – И он виновато кивнул на кнопку звонка. Рубашка прилипла к груди, ресницы слиплись в тонкие пучки, по щекам сбегали капли. Анна несколько раз нажала на кнопку. Правда, не работает.

– Почему тогда не позвал? Ты заболеешь... – Она говорила строгим, учительским голосом, и от этого Дан улыбался ещё шире.

– Я звал... один раз. Я не хотел, чтоб залаяла собака и все переполошились. Просто знал, что ты дома и решил подождать.

– Подождать в дождь? Я ведь спала!

Дан рассмеялся:

– Значит, я буду звать тебя совёнком. Привет, Совёнок!

– Привет. Я быстро оденусь, и мы пойдём на набережную. – Анна провела рукой по мокрому лбу Дана. А он смотрел на неё так светло, словно в этом касании для него и был смысл пришедшего в город дождя.

Дан сел на кушетку в прихожей, положив на плечи торопливо брошенное ему полотенце.

Кирюша с удивлением выглянул из спальни, Дан помахал ему взятой со столика газетой. Мальчик недоверчиво кивнул и снова спрятался за занавеской.

– Я ушла, скоро придёт бабушка! – Анна хлопнула входной дверью и, проходя мимо будки Джульбарса, заметила, как тот с удивлением смотрит на них, положив свою умную морду на мокрые лапы.

– Я никогда у них ничего не покупала! – округлив глаза, прошептала Анна, когда они подошли к прилавку с ракушками, бусами и блестящими камнями. Дан взял её за руку:

– Выбирай, это будет от меня на память.

Анна нерешительно посмотрела на продавщицу, так уютно развалившуюся на раскладном стуле, что даже говорить ей было лень.

– Можно?

Женщина лишь кивнула, этот кивок, казалось, стоил ей усилий.

Анна взяла кулон из лунного камня. Хит сезона – она видела такой же, в форме сердца, у одноклассницы – молочный, прохладный, будто с маленькой туманностью внутри. Она покрутила его в руках, положила обратно и потянулась к другому.

– Смотри, – Дан держал в руках рыжее колечко, – как блестит!

Он медленно поворачивал кольцо и с удивлением смотрел на золотые вкрапления, вспыхивающие на солнце.

– Авантюрин, – сказала продавщица, почти не открывая глаз, – или «Золотой песок», подходит Тельцам и Девам.

Анна и Дан переглянулись:

– Ты кто по гороскопу?

– Телец, – удивлённо ответила Анна, – а ты?

– А я Дева, надо же... – И оба засмеялись – Берём!

Кольцо пришлось Анне ровно впору на безымянный палец.

– Спасибо, – прошептала она и, встав на цыпочки, обняла Дана за шею.

Он наклонился к её уху и сказал тихо-тихо:

– Я выбираю тебя, Совёнок.

Или ей только показалось. Сердце замерло и снова забилось – радостно и сладко.

«Какое хорошее название – авантюрин», – подумала она.

Твой дом любит тебя

В субботу начинали топить после трёх. В пять банный запах расплзлся по всей улице, заполняя собой каждый угол. Густой, приторный запах детства, запах дома. Бабушка выдавала всем халаты, платки, полотенца. В тридцатиградусную жару – фланелевые халаты и платки! Но никто не спорил. Сначала в баню шли мужчины – дед, дядя, Кирюша, потом женщины.

Иногда в бане кто-то кричал, видимо, обливаясь холодной водой, были слышны оханья и влажные удары дубового веника. Время от времени приходили купаться и соседи.

Когда купания заканчивались, бабушка садилась на деревянный пол и в оставшейся горячей воде быстро стирала бельё. И когда у неё от жара темнело в глазах, она открывала окно бани и кричала:

– Дед! Неси морсу!

Дед ругался, но морс всегда приносил. Он ходил медленно, почти не отрывая ног от земли, но при этом постоянно был в движении, и всякий раз казалось, что он вот-вот потеряет свои старые дерматиновые шлёпки.

Самовар на углях ставили заранее. И у самовара, как положено, был свой старый личный сапог. Варилась картошка, резались тёмные сахарные помидоры, огурцы, сладкий красный лук, всё это заправлялось жирной сметаной и отправлялось на стол.

Сидели за столом долго, разговаривали, смеялись. И после бани в халатах не было жарко.

А когда становилось темно и вокруг лампы собирались суетливые ночные мотыльки, непременно начинали петь. Затягивала всегда бабушка. У неё был сильный, красивый голос, но в ноты она попадала редко. Сначала всегда заводила «Оренбургский пуховый платок». Потом мы подхватывали «Расцвела под окошком белоснежная вишня», «Вот кто-то с горочки спустился», и бабушка всё время просила петь погромче, чтоб непременно слышали соседи, с которыми она время от времени ссорилась по мелочам. И песни эти были для бабушки доказательством её благополучия – соседям назло.

Сидели на широких деревянных скамейках, покрытых тканевыми дорожками, пили сладкий золотой чай из больших кружек. И казалось, мир вращается вокруг этой уютной террасы, оплетённой виноградом.

Потом Анна брала в руки старую гитару, пробегала тонкими смуглыми пальцами по струнам, проверяя их на правдивость, быстро подкручивала колки. И, отражая свет лампы, авантюрин мерцал на её безымянном пальце. Звук гитары оплетал виноградную лозу, разливался между остывающих чайных чашек. Дед приносил домашнее вино и вечер длился ещё очень долго.

Анна пела:

«Быть может я и не права, что Ваши слушала слова,
И ничего не отвечала, лишь улыбалась и молчала...»²

Иногда верхняя струна слегка дребезжала, но никто кроме Анны этого не замечал.

² песня группы "Гостя из будущего"

Посуду бабушка никому мыть не разрешала, потому что «первая водичка – свинкам и собаке», вода в кране была только холодной, мытьё затягивалось. Анна с Кирюшей сносили посуду в маленькую кухню, вытирали стол, а потом сидели на пороге и ждали бабушку.

Когда все вместе поднимались в зал, дед уже обычно спал в кресле перед телевизором. Новостей он старался не пропускать. Но пропускал регулярно. Бабушка расталкивала его, отправляла в кровать и садилась в кресло сама.

Во второе кресло жестом велела садиться Анне и говорила:

– Как хорошо, что ты здесь. Это твой дом, девочка, и он любит тебя.

Анна, посидев до конца новостей, обнимала бабушку и, сменив фланелевый халат на сарафан, выскакивала из дома:

– Я скоро вернусь!

Бабушка вздыхала и улыбалась.

– Я ещё ни разу не носил тебя на руках. А мы уже две недели вместе – четырнадцать дней.

– Ты считаешь? – Прищурилась Анна.

Дан бросил сумку в колючки. Вечером в сквере не было ни души, дорожка была освещена лишь парой фонарей, которые стояли так далеко друг от друга, что казались одинокими воинами света. Вдоль дорожки тянулись к небу стройные кипарисы, издалека слышалась однообразная колыбельная моря. Дан легко подхватил Анну на руки.

– Ну и куда мы пойдём? – засмеялась она, обняв его за шею. Она почувствовала миндальный запах его кожи, от этой близости у неё закружилась голова и стало щекотно в животе.

– Никуда, я просто буду носить тебя по этой дорожке туда и обратно, туда и обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.